

Библиотека журнала «Голос Эпохи»

Елена Семенова

ЧЕСТЬ – НИКОМУ!

Том II.

ЮНОСТЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Елена Семёнова

**Честь – никому! Том 2.
Юность Добровольчества**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Семёнова Е. В.

Честь – никому! Том 2. Юность Добровольчества /
Е. В. Семёнова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Книга Елены Семёновой «Честь – никому» - художественно-документальный роман-эпопея в трёх томах, повествование о Белом движении, о судьбах русских людей в страшные годы гражданской войны. Автор вводит читателя во все узловые события гражданской войны: Кубанский Ледяной поход, бои Каппеля за Поволжье, взятие и оставление генералом Врангелем Царицына, деятельность адмирала Колчака в Сибири, поход на Москву, Великий Сибирский Ледяной поход, эвакуация Новороссийска, бои Русской армии в Крыму и её Исход... Роман раскрывает противоречия, препятствовавшие успеху Белой борьбы, показывает внутренние причины поражения антибольшевистских сил. На страницах книги читатель встретится, как с реальными историческими деятелями, так и с героями вымышленными, судьбы которых выстраивают сюжетную многолинейность романа. В судьбах героев романа: мальчиков юнкеров и гимназистов, сестёр милосердия, офицеров, профессоров и юристов, солдат и крестьян – нашла отражение вся жизнь русского общества в тот трагический период во всей её многогранности и многострадальности.

Содержание

Глава 1. Манычский «Тильзит»	5
Глава 2. Святое дело	14
Глава 3. Распутье	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Манычский «Тильзит»

15 мая 1918 года. Станица Манычская

«Родимый Край... Как ласка матери, как нежный зов её над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звенит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый край...

Кресты родных моих могил, и над левадой дым кизечный и пятна белых куреней в зелёной раме рощ вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, – волнуется сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарованный.

Тебя люблю, Родимый Край...

И тихих вод твоих осоку, и серебро песчаных кос, плач чибиса в куге зелёной, песнь хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон не променяю ни на что...

Родимый Край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная – щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудро седых курганов и в небе клекот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зелёный и родной... не ты и это, Родимый Край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край Родной...

Но всё же верил, всё же ждал; за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнёт волну наш Дон Седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна...

Звенит, и плачет, и зовёт...

То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовёт, зовёт на бой Родимый Дон...

За честь Отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит Седой наш Дон, – Родимый Край...» – в каком казачьем сердце не звучала эта дивная песнь? Поэты для того приходят на белый свет, чтобы облечь в жемчуга слов чувства многих людей, чувства народа своего, которые не выразить простому смертному. Тысячи сердец бьются святой любовью к родимому краю, тысячи голов кладутся за свободу и счастье его, но только одно сердце – сердце поэта – может немому чувству этому дать голос, дать слова, чистые, как молитвенный вздох, от которых наворачиваются слёзы. В чёрные для Дона дни родились эти строки в душе Фёдора Крюкова. Приговорённый к расстрелу и чудом избежавший его, он с болью наблюдал, как казаки идут войной друг на друга. В родной его станице Глазуновской целых три группы непримиримых явились: «мироновцы», «кадеты» и «нейтральные», надеющиеся смуту пересидеть. А ещё же и шкурников сколько обнаружилось! Едва ли не каждый день созывались сборы, и звали на них Фёдора Дмитриевича, как образованного человека, писателя, в столице жившего, чтобы разъяснил всевозможные вопросы. Ходил, разъяснял... Сам ни на мгновение не расставался с германским карабином, ожидая постоянно расправы. Разъяснял до хрипоты, что отсидеться – не удастся, что шкурническая позиция не спасёт от насилий и грабежей красных бандитов,

что одно нужно теперь – без колебаний братья за топоры и вилы и очищать родную землю от них. Но – не слушали. Сомневались. И лишь испытав на себе гнёт большевизма, очнулись. Так и весь Тихий Дон – всколыхнулся и поднялся на защиту вековых устоев и своей свободы против революционных банд.

Лилась кровь по донской земле. Запустение и разруха воцарилась повсюду. Многие станицы были разграблены, церкви поруганы, атаманский дворец изгажен. Размылись, распатались нравственные устои в душах. Грабежи, убийства и насилия стали обыденностью повседневной жизни. Полиции не существовало. Повсюду шли бои, немцы, встречаемые, как освободители, занимали западную часть Донецкого округа. Из двухсот пятидесяти двух станиц Войска Донского лишь десять были свободны от большевиков.

При таких обстоятельствах был избран на Дону новый атаман – Пётр Николаевич Краснов.

Генерал Краснов был от природы наделён всеми качествами, необходимыми вождю. Блестящий оратор, тонкий знаток казачьей психологии, имевший несомненный актёрский талант, он умел производить впечатление на людей, умел завоёвывать их любовь. Приняв атаманскую булаву, Пётр Николаевич выделил из многочисленных стоящих перед ним задач основные. Первое и главное – освобождение Дона от большевиков. Что нужно для этого? Армия. А армии необходима идея и оружие.

Ясно как Божий день было, что добровольческая «единая и неделимая Россия» не способна вдохновлять сердца. Это не лозунг, не идея, а что-то размытое и размазанное, не могущее конкурировать с большевистскими звонкими посулами. Даже трудно уразуметь было логику вождей добровольческих – неужели не понимают, что народу нужно дать идею, равнозначную по силе идеям большевиков? Клин клином вышибают! Проповедуют «товарищи» интернационализм? Отлично! А мы тому противопоставим ярый национализм! Воинственный, пламенный! Бросил атаман лозунг:

– Дон – для донских казаков!

Радикализм? Крайность? Неправильно и несерьёзно? Самостийность, вредная для «единой и неделимой»? Так ведь нет уже «единой и неделимой»! Распалась она! Даст Бог, возродится вновь. Краснов ли против этого был? Краснову ли, русскому генералу, Россия единая не дорога была? Уж, конечно, не быть Дону от России отделённым. Но только тогда – когда Россия будет Россией, а не Совдепией. А дотоле здоровее будет он, оставаясь независимым. Может быть, шовинизм и крайность. Но крайности одной только другую крайность противопоставить можно. Только она способна одолеть. Масса не задаётся вопросами глубокими, масса живёт инстинктами простыми. Большевики к этим инстинктам – самым низменным – обратились, и успешно. (Растлили дух народный – теперь сколько раны эти уврачевывать!) Инстинкты, психология, порыв – всё это много сильнее высокоумных программ и дипломатических формулировок, сухих и сердцу народному ничего не говорящих. А сердцу народному – острота нужна, перец. Национальный инстинкт – из сильнейших будет. Большевизм только шовинизмом вытеснять. Борьба с большевиками может быть только национальной, народной. Превращаясь в классовую, политическую, она обречена на провал. «Дон для донцов» – доходчиво и звучно. Сказу понимает казак, за что воюет – за свою землю, за свой Дон, за свою независимую, мирную, сытую жизнь, за свои традиции вековые. А скажи казаку – «за единую и неделимую»? Плечами пожмёт только. Зачем она ему? Ему свой баз ближе. Нужно выдвигать те лозунги, за которыми пойдут. А когда пойдут, когда одолеют вражью силу, тогда уже и воссоединять Россию. От сильной и выздоровевшей России многие ли станут отмежевываться?

А покуда – нет беды в самостийности. Желает незалежная Украина быть независимой? На доброе здоровье! И все прочие – также! Лишь бы с большевиками дрались. А с ними разделившись, можно решать уже вопросы оставшиеся. Но не понимали этого в Добровольческой армии, не хотели понять. И самостийность виделась ей предательством, отступничеством.

«Единой и неделимой» никогда бы не поддержали немцы. Добровольцам, верным союзническим обязательствам, нет дела до того. А Краснову, как с немцами в контры вступать, если они большую часть Войска Донского заняли? Воевать и с большевиками и с ними? Силёнок не хватит! Добровольцы на Дону – временные гости, им большой заботы нет, как здесь жизнь наладить. А атаману донскому как о том не печься? Союзники-то – где они? Когда-то будет помощь их? А немцы помогали уже теперь. Главным, что армии нужно было. Оружием. Понимал Краснов, что рассчитывать в вопросах снабжения лишь на стороннюю помощь недальновидно, и поставил целью развить на Дону все насущные отрасли, которые позволят жить на самообеспечении. Но такая работа не в один присест делается! На неё время нужно. А время это только немцы своим присутствием и помощью могут обеспечить. Стало быть, необходимо сотрудничать с ними.

А Деникин – не желал понять. Сотрудничество это считал изменой союзниками. Чуть ли не самой России! Мнилось ему, будто бы действия атамана Россию раскалывают. А атаман все выступления свои перед казаками заканчивал одними и теми же словами:

– Любите свою великую, полную славы Родину – Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и Родину – что может быть выше этого девиза!

Где же раскол здесь? Сам Антон Иванович больше раскалывает антибольшевистские силы желанием подмять их все, навязать «единую и неделимую». К чему?

Ополчились Добровольцы на атамана. А ещё пуще – понаехавшие из Совдепии кадеты. Хороши, нечего сказать! Просвистели Россию, прибежали на Дон, свои шкуры спасая, и тут – начали немедленно подрывную деятельность. Стали раздирать Дон на ориентации. Уже «Круг спасения Дона», Красновым и созданный, выговаривал:

– Надо поступать так, как поступает Добровольческая армия, уходить от немцев.

– Хорошо Добровольческой армии! У неё нет ни земли, ни народа, она может идти хотя до Индии, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и детьми? Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!

Так и распределились роли. Добровольцы – в белых ризах, а атаман – в грязи. А снаряды немецкие брали, делая вид, что они не от немцев их получают... Отказались бы! Были бы принципиальными до конца!

А ещё же хлынули в Ростов и Новочеркасск худшие элементы Добровольческой армии. Герои гибли на фронтах, совершали чудесные подвиги, а шкурники, притворяясь больными и ранеными, стекались в тыл. Тыл становился рассадником спекуляции, разврата, пьянства. В тылу сбывали награбленную у мирных жителей «добычу», звенели золотом... А фронт оставался бос и гол. Пустили в Добровольческой армии крылатый эпитет: «Всевесёлое Войско Донское». Будто бы не её офицерами набиты были Ростовские и Новочеркасские кабаки в то время, как с казаков атаман строго взыскивал за пьянство. Донцы и Добровольцы на фронте не могли идти друг против друга, были единым целым. А в тылу, провоцируемые разными тёмными личностями, враждовали. И тыловым настроениям поддался и Деникин со своим окружением.

Крупная размолвка вышла между командующим Донской армией Денисовым и Добровольцами. Молод и горяч был Святослав Варламович, не стерпел резких нападков в свой и атамана адрес за сношения с немцами, высказался едко, как умел он:

– Что же Войску делать? Немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, её населяющий, уходить от них, как то делает Добровольческая армия. Войско Донское – не странствующие музыканты, как Добровольческая армия.

«Странствующими музыкантами» – как хлестнул! И из штаба Деникина тотчас в гнев парировали:

– Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит!

Но не им было тягаться с Денисовым в острологии. Не остался в долгу Святослав Варламович:

– Скажите Добровольческой армии, что если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия – сутенёр, пользующийся её заработками и живущий у неё на содержании.

Этого Деникин простить не мог. Денисов был записан во враги Добровольческой армии, и Антон Иванович добивался его удаления. Но атаман был доволен работой своего ближайшего помощника и требование Деникина оставил без внимания.

Все трения во взаимоотношениях двух армий решено было обсудить при личной встрече их руководителей. Она назначена была в станице Манычской и шуточно именовалась в среде офицерства «Тильзитом». Разговор обещал быть непростым. Генерал Деникин отказывался признавать Донскую армию, требовал её подчинения общему руководству в своём лице, совершенно не считаясь с волей казаков. И странно было бы сорокатысячной Донской армии подчиниться двенадцатитысячной Добровольческой. Добровольческая армия жила на территории Войска Донского, получала снабжение через донского атамана – и требовала себе подчинения. Только развести руками можно было.

О грядущей встрече Краснову сообщили буквально накануне её. Пётр Николаевич поехал на неё вместе с управляющим иностранными делами генералом Богаевским, кубанским атаманом Филимоновым и генерал-квартирмейстером штаба Донской армии полковником Кисловым. Святослава Варламовича, хотя и не без сожаления, решил на эти переговоры не брать, дабы ещё больше не раздражать Деникина и не вызвать очередной ссоры.

Около часа дня прибыли на место. Спустя ещё час приехали Алексеев и Деникин вместе с Романовским и ещё несколькими офицерами. Беседа проходила в хате станичного атамана, где на столе разложены были карты с показанием расположения войск. Предстояло определить дальнейший план действий. Но Антон Иванович начал не с этого. Он заговорил довольно резко, указывая на карту:

– Пётр Николаевич, я должен заявить вам о недопустимости операций, подобных той, что была под Батайском!

– Почему, Антон Иванович?

– В диспозиции указано, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре – донцы, а левой колонне – отряд полковника Глазенапа. Согласитесь с тем, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами. Я требую уничтожения этой диспозиции.

Краснов пожал плечами:

– Истории уничтожить нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему – другое дело, но она относится к сражению, которое было три дня тому назад и закончилось полной победой отряда полковника Быкадорова, – Пётр Николаевич кивнул на присутствовавшего на совещании полковника, – и уничтожить то, что было, невозможно.

Остальные участники переговоров хранили молчание. Романовский выглядел, как всегда, холодно-надменным. Холёное, чуть полноватое, породистое его лицо оставалось непроницаемым. Генерал Алексеев был болен. Он сидел за столом, совершенно серый, безучастный, подперев ладонями голову, время от времени поднимался и выходил на воздух, с видимым трудом переставляя ноги. Серьёзной поддержки за собой на этом совещании Краснов не чувствовал. Богаевский был скорее союзником Деникина. Когда бы Денисова сюда! Но – и лучше без него, с другой стороны. Распался бы чересчур, вышел бы скандал... И без того довольно их.

Снова и снова гнул своё Антон Иванович:

– ...Вы должны понимать, что единое командование необходимо. Донские части должны вступить в Добровольческую армию. Мы должны быть едины!

– Я не спорю с этим. Но согласитесь и вы, что единое командование может существовать только при условии существования единого фронта, – отозвался атаман и, не дожидаясь подачи Деникина, сам обратился к главному вопросу, который предстояло решить на встрече. – Я рассчитываю и надеюсь, Антон Иванович, что цели, преследуемые Войском Донским и Добровольческой армией, одни и те же – уничтожение большевиков. К этому же стремится и атаман Дутов с оренбургскими казаками и чехословаки, с которыми необходимо наладить взаимодействие.

Тут перешёл Краснов к своей излюбленной идее. Нельзя, нельзя размазывать скудные силы по окраинам, но сконцентрировать их, и единым фронтом-кулаком ударить по главному направлению – в центр. И – как можно скорее. Не давая врагу опомниться.

– Если вы считаете возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижнее-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены вам автоматически. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян. Царицын даст вам хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы нас с чехословаками и Дутовым и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать свой марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда донцы заняли бы Воронеж... – рисовал атаман ярко все перспективы своего плана, говорил горячо и убедительно, надеясь достучаться, но видел по лицу Деникина, что разбиваются все доводы, как об стену. Как же упрям был добровольческий вождь! Ничем не сокрушить эту броню!

– Я ни за что не пойду на Царицын, – категорически заявил Антон Иванович, – потому что там мои Добровольцы могут встретить немцев. Это невозможно.

– Ручаюсь вам, что немцы дальше Усть-Бело-Калитвенской станицы на восток не пошли и без моего разрешения не пойдут.

– Всё равно на Царицын я теперь не пойду, – словно не слушал даже. – Я обязан раньше освободить кубанцев – это мой долг, и я его исполню.

А кубанский атаман? Кубанский атаман безмолвствовал, будто бы совсем не касалось его только что озвученное. Даже в лице не отразилось ничего.

О том, каковы должны быть дальнейшие действия армии, генерал Деникин уже давно и прочно решил. И вместе с Романовским составил план, который теперь Иван Павлович стал последовательно и подробно излагать представителям Войска Донского:

– Во-первых, немедленное движение на север при условии враждебности немцев, которые могли сбросить нас в Волгу, при необходимости базирования исключительно на Дон и Украину, то есть области прямой или косвенной немецкой оккупации и при «нейтралитете» – пусть даже вынужденном – донцов, может поставить армию в трагическое положение: с севера и юга – большевики, с запада – немцы, с востока – Волга. Что касается перехода армии за Волгу, то оставление в пользу большевиков богатейших средств Юга, отказ от людских контингентов, притекавших с Украины, Крыма, Северного Кавказа, словом, отказ от поднятия против Советской власти Юга России наряду с Востоком представляется нам совершенно недопустимым. Он может явиться лишь результатом нашего поражения в борьбе с большевиками или... немцами. Во-вторых, освобождение Задонья и Кубани обеспечит весь южный четырёхсотвёрстный фронт Донской области и даст нам свободную от немецкого влияния обеспеченную и богатую базу для движения на север; даст приток укомплектований надёжным и воинственным элементом; откроет путь к Чёрному морю, обеспечивая близкую и прочную связь с союзниками в случае их победы; наконец, косвенно будет содействовать освобождению Терека. В-третьих, нас связывает нравственное обязательство перед кубанцами, которые шли под наши знамена

не только под лозунгом спасения России, но и освобождения Кубани... Невыполнение данного слова будет иметь два серьёзных последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности её конницы, из рядов которой ушло бы много кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами...

– Все измучились, – прибавил Филимонов. – Кубань дольше ждать не может... Екатеринодарская интеллигенция обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев...

Посматривал Антон Иванович на атамана – какую реакцию вызывают приводимые доводы? А реакция читалась явственно – раздражён был Краснов. Так и сквозила неприязнь. Добро ещё не притащил на совет своего любимца Денисова, готового желчью своей всю Добровольческую армию испепелить.

Нет, явно не ладилось ничего с атаманом. Задумывал это совещание Деникин с целью хоть как-то позиции сблизить, найти общий язык, а вот – не получалось. Волком смотрел Краснов, явно видя себя единственно правым, не считая нужным прислушиваться к другим. Ах, нет Каледина... С ним договориться всегда было легче. А с Красновым – никак. Чувствовал Деникин, что с ним работы не будет.

В конце концов, кем возомнил себя атаман? Вождём самостийной казачьей республики? Единственным спасителем России? Широко разброс! Хоть бы одно что-то избрал, а то везде поспеть желает. А с армией Добровольческой ведёт себя просто возмутительно. Чего стоит один только приказ об изъятии донских казаков из рядов Добровольческой армии! Какой удар нанесён был этим Партизанскому и конному полкам! Но тем не ограничилось. Некоторые части самовольно переходили на службу в Донскую армию. Ночью целый взвод ушёл в Новочеркасск, забрав оружие и пулемёты. Сбежал конный вестовой самого Деникина, текинец. Прихватил с собой двух лошадей, украв и лошадь генерала. И все они у Краснова встречали радушный приём! А переход из Донской армии в Добровольческую вызывали негодование.

Двадцать пятого апреля в Новочеркасск прибыл отряд полковника Дроздовского. Эти чудо-богатыри добрались до Дона с румынского фронта, через Молдавию, громя на своём пути большевиков и покрывая себя славой. Михаил Гордеевич тотчас доложил Деникину, что прибыл в его распоряжение и ожидает приказаний. Но Краснов делал всё, чтобы оставить Дроздовцев в своём подчинении. Он разбрасывал отряд частями по области, публично и с глазу на глаз упрашивал Дроздовского не покидать Новочеркасск, порочил Добровольческую армию и её вождей, уговаривал остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова. Но Михаил Гордеевич проявил твёрдость и отверг эти недостойные предложения, заверив Антона Ивановича в своей непричастности к новочеркасским интригам: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы...» Но несмотря на честную и категорическую позицию Дроздовского, получить в своё распоряжение его отряд Деникин не мог до сих пор, и это рушило все планы.

В том, что двигаться необходимо на Кубань, Антон Иванович не сомневался. Кубанское офицерство жило ожиданием наступления и освобождения своих станиц. Обмануть их было никак нельзя.

Последнее слово на совещании принадлежало генералу Алексееву. Именно на его плечи легли все сношения с союзниками и финансовыми кругами, с Доном и политическими партиями. Весь авторитет и влияние своё употреблял он на привлечение внимания и помощи Добровольческой армии, работал, не покладая рук с неизменной кропотливостью, не щадя давным-давно расшатанного своего здоровья.

Михаил Васильевич мало прислушивался к происходившей за столом дискуссии. Ему нездоровилось уже несколько дней, а поездка на автомобиле до Манычской разбила его окончательно. Голова кружилась, и не отступала мучительная дурнота. Несколько раз выходил он на крыльцо, вдыхал чистый весенний воздух, но легче не становилось. Слушать доводы сторон необходимости не было. Все их Алексеев знал наизусть, но твёрдого мнения, какой путь вернее, не было у него. Последнее время овладела им глубокая безысходность. Казалось, всё было против Добровольческой армии: и финансовое положение, ставшее критическим, и немцы с их скрытыми политическими целями, и личность донского атамана, его отношение к добровольцам, и беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить армию...

Терзали Михаила Васильевича сомнения. Генерал Краснов, беря начальственный тон по отношению к армии, указывает ей путь – скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до создания регулярной Донской армии. Цель – сунув добровольцев в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого они могут столкнуться с немцами, избавиться о них на Дону... А с другой стороны – углубление на Кубани может привести к гибели. Центр тяжести событий, решающих судьбу России, неминуемо переместится на восток, на Волгу... Опоздать на главный театр, обмануться в выборе пути – смерти подобно...

На Кубани – гибель. На Кавказе – мало привлекательного и делать нечего. На Волге... Куда ни кинь, всюду клин!

Алексеев опустил за стол, вновь подпёр ладонями исхудалое, больное лицо, заговорил едва слышно (каждое слово с мучением давалось, и всего сильнее хотелось – лечь):

– Вы, Пётр Николаевич, правы в том, что направление на Царицын создаст единый фронт, но вся беда в том, что кубанцы из своего Войска никуда не пойдут... – прервался, жмуря глаза, перед которыми плясали красные точки. – ...А Добровольческая армия бессильна что-либо сделать, так как в ней всего около двух с половиной тысяч штыков... Ей надо отдохнуть, укрепить, получить снабжение, и Войско Донское должно ей помочь... Кубань хотя и поднялась против большевиков, но сильно нуждается в помощи добровольцев. Если оставить кубанцев одних, можно опасаться, что большевики одолеют их, и тыл Донской армии будет угрожаем со стороны Кубани...

Всё-таки поддержал Деникина и, бессильно откинувшись на спинку стула, закрыл глаза. А Антон Иванович резюмировал:

– Добровольческая армия совместно с кубанцами вновь пойдёт на Екатеринодар. После очищения Кубани мы сможем помочь Донской армии в операциях на Царицынском направлении.

– Стало быть, расходимся, – констатировал Краснов с глухим недовольством. – В таком случае, позвольте заметить последнее: наступать необходимо сейчас. Не откладывая! Сейчас сердца казаков полны желания и решимости бить красную нечисть, их порыв нужно использовать!

Мог ли думать атаман шире, чем о своих казаках? Ведь был в Великую бригадным генералом, а так рассуждает теперь! Искренно заблуждается или играет? Скользкий человек – не доверял ему Деникин ни в чём. «Наступать необходимо сейчас»! Каково? Хочет погнать Добровольческую армию, измождённую одним походом, не дав духа перевести, в другой, тяжелейший. На верную гибель. А может, того и надо ему? Отделаться?

– Нет, нет и нет. Вы же слышали, Добровольческая армия нуждается в отдыхе и пополнении. Ей необходимы квартиры, правильная организация тыла. И Дон должен быть таким тылом, снабдить армию всем необходимым.

– Пока вы будете отдыхать, время будет упущено безвозвратно! Сейчас комиссары растеряны, им нельзя дать очухаться, а бить, бить, не останавливаясь. Сколько вам нужно на отдых?

Месяц? За этот месяц они оправятся, реорганизуются, укрепятся и станут гораздо сильнее и опаснее!

– За этот месяц, Пётр Николаевич, укрепимся и мы. А сейчас армия физически не в силах наступать. Она слишком измотана, разве вы не понимаете? Тыл – вот, первая забота сегодня.

– На Дону не хватает лазаретов и госпиталей, – поддержал Деникина Романовский. – В Ростове и Новочеркасске до сих пор нет этапных пунктов и вербовочных бюро. Снабжение не налажено. Мы приняли решение просить правительство Дона о выделении Добровольческой армии займа в размере шести миллионов рублей, о котором имелась договорённость ещё с атаманом Калединым. Со своей стороны, мы обязуемся обеспечивать тыл Войска Донского со стороны Кубани.

Менее всего хотелось Антону Ивановичу одалживаться у донского правительства (фактически – у Краснова). Но более не у кого было. Денег на содержание армии больше не было, что приводило в отчаяние Алексеева, ведавшего всеми финансовыми делами. Деньги нужны были, как воздух, а на пожертвования «буржуев», исходя из недавнего печального опыта, надежды не было. Оставался – Краснов. Как неизбежность.

Атаман не отвечал. Смотрел как-то недобро и, как показалось Деникину, не без тени зло-радной насмешки: что, де, «странствующие музыканты», плохи дела ваши? Не отвечал, словно выдерживая театральную паузу. Что за актёрство! И надо же было, чтобы именно Краснову булаву вручили! Когда бы на этот пост – Африкана Петровича Богаевского. Он тут же сидел, покручивая ус. Первопоходник, верный человек. Тоже не последний на Дону. Брат его, донской Златоуст, казаками чтимый, был правой рукой Каледина, погиб от рук большевиков. Чем не атаман?

Любого ответа ожидал Антон Иванович, но прозвучавший был уже за пределами нахальства:

– Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне!

Просто издевался этот сочинитель романов фривольного содержания! Деникин побагровел и, едва сдерживая подступавшее негодование, отчеканил сухо:

– Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы.

Краснов усмехнулся, ничего не ответил.

– Я прошу вас также настоятельно и в который раз о немедленном присоединении полковника Дроздовского к Добровольческой армии, – добавил Антон Иванович.

– Когда вы предполагаете начать активные действия?

– Примерно через месяц.

– Хорошо, Дон окажет вам помощь.

Как величайшее одолжение сделал! Какое чувство превосходства! Сказал «Дон окажет», а прозвучало: «я окажу». Видимо, ощущает себя олицетворением Дона. Скорее бы добраться до Екатеринодара! Освободиться от унижительной зависимости от донского атамана! На Кубани Добровольческую армию ждут, на Кубани подобное отношение немыслимо.

Хотя договорённости достигли по большинству вопросов, удовлетворения не было. Антон Иванович не верил, что атаман выполнит обязательства, взятые им к тому же с изрядной уклончивостью. Изовьётся ужом и опять потянет одеяло на себя. Как-то с Дроздовским решится?

Уже к концу клонился этот тяжёлый день, и на тёмно-синем, бархатном небе высыпали гроздьями сияющие звёзды. С окраины станицы доносилась протяжная казачья песня. Простились холодно, неприязненно и разошлись в разные стороны. Добровольческие вожди сели в автомобиль, и серое лицо Алексеева при этом стало ещё более мученическим. Зафыркал мотор, покатали по разбитой дороге, провожаемые любопытствующими взглядами станични-

ков. А атаман со своей немногочисленной свитой направился к ожидавшему его пароходу. Расходились в противоположные стороны вожди двух армий, друг против друга настроенные, расходились и сами армии: Добровольческая – на Юг, к Минеральным Водам, Донская – на Север, к Москве. Ещё только начиналась борьба, ещё ничтожны были силы, а уже и они раскололись непримиримо надвое, и пошла каждая своей дорогой, единой целью движимые, устремились к ней поврозь, прочно похоронив идею единого фронта.

Глава 2. Святое дело

Май 1918 года. Где-то на Волге...

Донька Жилин изо всех своих мальчишеских сил продирался сквозь лесную чащу. Под ногами что-то хлюпало, квакало, и иногда по щиколотку проваливался Донька в жидкую грязь, чертыхался, подражая деревенским мужикам, и ломил дальше. Он знал этот лес с детства, знал каждую звериную тропку, знал, как пройти по болоту и не сгнуться в нём... В глубине леса у Донькиного деда был покос. В деревне до клочка земли этой немного охотников было: трава худая, а поту, чтоб её вывезти много требовалось. А Донька с дедом всякий год отправлялись на покос, шли вдоль тоненькой и слабенькой лесной речки, косили, стараясь обойти друг друга (и никогда ещё Доньке не удавалось деда обойти!), отдыхали в маленькой лачужке, которую дед сколотил некогда с Донькиным отцом. Отца и матери Донька лишился давно. Пришёл в деревню неурожай, а одна беда, как известно ещё семь за собой приводит. За неурожаем хворости настали: холера, цинга... Так и померли с разницей в неделю отец с матерью, а Доньку дед выходил, и с тех пор никого кроме друг друга не было у них. А теперь деду грозила беда. Накануне прокрался в деревню старый дедов знакомец по имени Трифон. Знал о нём Донька, что был он старостой в своём селе, а после бунта против продразверстки, в нём случившегося, скрывался в лесах с несколькими мужиками. Говорили ещё, что отрядом этим командует не абы кто, а царский полковник по фамилии Петров. «Банда Петрова», как окрестили отряд большевики, многим была известна на Волге, став настоящим бичом и кошмаром для продотрядов. Их подкарауливали на дорогах и расправлялись. Бывали случаи освобождения целых деревень. Мал был отряд, а действовал столь хитро и ловко, что, нанося красным серьёзный урон, умудрялся всякий раз уйти от преследования, раствориться так, словно и не бывало его. Немало легенд было сложено об «одноруком полковнике» (известно было, что Петров лишился руки на войне с германцами – и это делало образ ещё ярче) и его людях, и, вот, один из этих людей заявился под ночь к деду. О чём говорили они, Донька не слышал. А несколько часов спустя в деревню пришли красные. Продотряды уже бывали здесь прежде. В деревне, никогда не бывшей зажиточной, отыскали пять «кулаков» и наложили на них контрибуцию. Дядька Парфён тогда явился к деду белее полотна, хмуρο цедил чай и говорил, запинаясь от возмущения:

– Что ж это подеялось у нас Лукьян Фокич? В деревне у нас десять человек этих самых коммунистов... Никто из них в жизни не работал, а всегда занимались воровством да пьянством, а теперь они в комитете бедноты, теперь они власть! Сказали исполкому, что мы с Гаврилой буржуи. Буржуи! На меня восемьсот рублей контрибуции наложили, а на него пятьсот... Татары! Дань им плати! Нашли буржуев! У меня две лошади и корова, детей пятеро, которым бы по улицам ещё бегать, а они все помогают мне работать... Я буржуй?! И так кое-как сводил концы с концами, по миру детей не пускал, а денег не имею ни гроша... Чтоб эти 800 рублей выплатить, я должен продать лошадей и корову, а что ж мне делать потом?! Как жить?!

Контрибуции «буржуи» платить не стали. За это они были арестованы и увезены из родной деревни под стон и вой остающихся без кормильцев жён и детей. После этого решено было остерегаться на будущее: сговорились со звонарём, чтобы при появлении красных, дул он без промедления на колокольню и звонил бы на всю округу, чтобы разом поднялись мужики и прогнали бы непрошенных гостей. В ряде деревень так уже спасались от продразвёрстки. Хороша идея была, да прознали о ней в комбедке, и, когда заявили красные, опередили звонаря, заперли колокольню, и так и не грянул набат...

В избу деда ворвались сразу несколько человек. Схватили гостя его, поволокли волоком на улицу. Только и успел сказать староста Трифон почти с радостью: «Сподобил-таки Господь грешного Трифона мученическую смерть принять...» Красные подступили к деду. Тут же суетился, трясая козлиной бородёнкой, комбедовец Гришка Дранный, запойный пьяница, частенько бывавший битым, а однажды за кражу выпоротый на глазах всей деревни.

– Вы этого старого чёрта хорошенько допросите! Он того, опасный элемент! Он супротив власти нашей родненькой агитацию ведёт! И другие элементы к нему шастают! Это они в набат ударить хотели! Бунтовать хотели! Сволочь кулацкая!

Дед молчал, лицо его было спокойно и ясно. Донька знал, что он не слушает того, что кричали вокруг него, а мысленно читает излюбленную молитовку, в которой черпает силу. Но как не был отрешён дед от мира в этот роковой час, а улучил момент и успел шепнуть Доньке три слова: «Покос. Полковник. Расскажи!» Успел и Донька выскочить из избы и скрыться в лесу от побежавшего было за ним Гришки. Тот скоро выдохся, схватился за бок, выругался матерно да поплёлся назад.

До покоса легче всего было идти вдоль русла речки, но Донька побоялся, что на этом пути его могут отыскать, а потому решил пробираться по едва мелькающей в болотистой топи тропке. Прежде то была довольно добрая дорога, но со временем заболотилась она, заросла травой да кустарником, никто уж больше не ходил по ней, и лишь знающие люди могли угадать местами узенькую, чужому глазу невидную ниточку, бывшую некогда тропой. Кустарники больно царапали лицо и руки, а сердце стучало так громко, что Донька иногда оглядывался назад проверить, не топот ли это погони. Внезапно какая-то сила бросила его на землю и мгновенно вздёрнула вверх: он попал в охотничью ловушку. Донька отчаянно забился, висая над землёй вниз головой. Рядом раздался смех:

– Вот так дичь нам к обеду попалась!

Из-за дерева вышел невысокий, кудлатый мужик с ружьём на плече, оглядел насмешливо болтающегося на ветке дерева Доньку:

– Ну, сказывай, что ты за живность!

– Сперва развяжи, а потом справляйся! – досадливо буркнул Донька.

– Добро! – охотник мгновенно перерезал верёвку, и Донька хлопнулся на землю.

– Не зашибся, стригунок? – добродушно рассмеялся кудлатый, опершись о ружьё. – Тебя как звать?

– Донатом. А ты, дядя, кто будешь? Не лешак часом?

– Панкратом Ефремычем зови. Ты, стригунок, за какой нуждой здесь?

Донька подумал, что до покоса осталось идти совсем недолго, и что кудлатый Панкрат вполне может оказаться человеком из отряда однорукого полковника, и заявил без обиняков:

– Мне, дядя Панкрат, позарез однорукого полковника видеть надо!

– Ишь ты! – Панкрат нахмурился. – А откуда ж я тебе возьму его? Я тут охочусь третий день, никаких одноруких не видал...

– Ты Трифона-старосту знаешь? Его красные схватили. Деревню нашу заняли, а теперь деда моего мучают, чтоб сказал, где банду Петрова искать! Если не знаешь где, так отыдь с дороги – я сам сыщу!

– Но-но-но, – охотник посуровел. – Экой ты! Тише едешь – дальше будешь. Иди следом – сведу тебя к полковнику. Пушай он решает, что ты за живность...

Донька пошёл за Панкратом, потирая ушибленное при падении плечо. Очень скоро чащоба, казавшаяся беспросветной, расступилась, открывая небольшую опушку. Это и был покос деда Лукьяна. Теперь здесь разместился отряд в два десятка человек. Люди были заняты своими делами: кто-то пытался починить развалившиеся сапоги, другой чистил оружие, одни коротали время за разговором или игрой, иные просто спали. Над костром в большом котелке варилась похлёбка. Несколько лошадей уныло пощипывали траву. Возле лачужки

стояла телега. На ней сидел длинный, худой человек. Одет он был по-мужицки, лицо его, тонкое и бледное, обрамляла густая русая борода. Вот он – однорукий полковник, гроза продотрядов. Даже если бы были у него обе руки, Доська не усомнился бы что это он. Отличался полковник от людей своих, одет был мужиком, а и под мужицким платьем не удавалось скрыть ни выправки офицерской, ни тонких, холёных пальцев единственной руки... Панкрат подвёл Доську прямо к командиру, подтолкнул перед собой, доложил:

– Вот, Пётр Сергеевич, гонец к нам с деревни прибёг. Внук Лукьяна Фокича, к которому Трифон наш ушёл. Говорит, будто бы красные деревню заняли, а Трифона схватили.

Полковник наклонил голову. По левой стороне лица его пробежала судорога. Пётр Сергеевич внимательно посмотрел на Доську немного странным взглядом, так, точно не видел его, и, поманив к себе, сказал глуховатым голосом:

– Рассказывай всё подробно.

Мгновенно вокруг собрались люди – услышать Доськин рассказ хотелось всем. И он стал рассказывать, подробно, обстоятельно, стараясь не упустить ни одной детали. Когда он закончил, полковник поднялся, хрустнул тонкими пальцами:

– Не успели! Опередили нас «товарищи»... – и, оглядев испытующе своих людей, спросил: – Что будем делать, друзья?

– Трифона освобождать надоть! – тотчас крикнул кто-то.

– Не годится старосту в беде бросать!

– И братьев наших тоже не годится бросать! Там нашей подмоги ждут!

– Что тут рассусоливать? Наломаем бока краснопузым – не впервой, Пётр Сергеич! Пусть помнят!

– Деревню освободить надо, – присовокупил и Панкрат. – А продотряд этот перебить, чтоб неповадно было. Если жив Трифон, то должны мы его выручить.

Полковник кивнул:

– Я рад, что мнение наше едино. Трифону я обязан жизнью, а потому никакого иного решения для меня быть не может. Да и от вас не ждал другого ответа. Однако же нужно хорошенько продумать план действий. В нашем отряде и двадцати душ не наберётся, а красных немалое число. Ударить нужно врасплох. Действовать быстро и точно. Малейшая ошибка – и пропадём.

– Не впервой!

– Не перебивай атамана!

Пётр Сергеевич подозвал Доську, протянул ему листок бумаги и карандаш:

– Можешь нарисовать план своей деревни? Дороги? Въезд? Дом твой? Комбед? Церковь?

– Попробую, – готовно кивнул Доська, хотя прежде никогда не рисовал планов.

– Повезло бы у этих сукиных сынов порядочную карту найти! – вздохнул полковник. – Тычемся как кутята слепые... Как можно без карты воевать!

Доська рисовал старательно, и в итоге план вышел довольно сносный. Пётр Сергеевич прищурился, кивнул одобритительно и, положив листок на служившую столом чурку, подозвал несколько человек:

– Отряд разделим натрое. Первый поведу я, второй Панкрат, а третий пускай Фёдор возьмёт. Первый отряд ложится на телегу, укрываем его рогожей – так чтобы не видно было. Его задача: войти в деревню, бесшумно ликвидировав караул, который наверняка будет на въезде, и взять комбед, где, как можно предположить, «товарищи» разместили штаб. Здание нужно обложить кольцом, действовать одновременно и быстро.

– Врываемся и палим по красной нечисти? – уточнил Панкрат.

– Именно. Наша сила во внезапности. Они не должны успеть разобрать, что к чему. Далее. Второй отряд входит в деревню с севера, едва слышав стрельбу. Его задача – поддержка первого отряда и колокольня.

– Грянем в набат, Пётр Сергеевич?

– Грянем, непременно грянем. Третий отряд – в резерве. Он не должен входить в деревню, пока всё не будет закончено. Но должен следить, чтобы ни одна мышь не выскользнула из мышеловки. Обойдя деревню, залечь у западной стороны, следить за дорогой.

– Пётр Сергеевич, дюже малые отряды получают. Может, двумя обойдёмся? – осторожно предложил Панкрат. – Чего Федыкиным ребятам без дела сидеть?

– Если план наш сорвётся, то отступить мы будем на запад, и тогда Федька своими прикроет нас. Всем всё понятно?

– Понятно... Так точно... Не подведём... – ответили вразнобой.

– Вот и отлично. А теперь всем отдыхать. Выступим ночью. Гонца накормить за его нам помощь, – потрепав Доньку по голове, Пётр Сергеевич, чуть улыбнулся: – И наградил бы я тебя, да нечем, брат.

– На что мне награды? – пожал плечами Донька. – Вы, главное, деда выручите. А то ведь убьют его проклятые. Он их антихристами и демонами зовёт. Прямо в глаза режет. А у меня кроме него никого.

– Поможем твоему деду, – кивнул полковник. – Иди супу похлебай, герой. Тебе ночью тоже придётся потрудиться.

Сам Пётр Сергеевич обедал в одиночестве, уйдя в лачугу. Вот уже месяц полковник Тягаев скитался со своим отрядом по Поволжью: то скрывались в лесах, то сплавливались по Волге, изредка день-другой переводили дух в какой-нибудь деревне. Никогда бы не подумал блестящий кавалеристский офицер, что станет командовать отрядом полуграмотных мужиков. Прежде он и не знал мужика, не соприкасался с ним, не знал деревни и жизни её даже отдалённо. И вот ввергнут был непредсказуемым ходом жизни в недра её, в самую гущу, клокочущую, бурлящую, непонятную. Постепенно Тягаев привыкал к тому, что люди его не ведают воинской дисциплины, отвечают не по уставу, многие никогда раньше не держали в руках ни штыка, ни винтовки. Да и они в свою очередь прощали своему атаману слабое понимание крестьянской души, крестьянской жизни. Атаман! Леса! Партизанщина! Нет, это не войско, не даже подобие его... Это что-то другое. Что-то из книг, из легенд о Робине Гуде. Очень, кстати, похоже. Мерзавцы узурпировали власть, честные люди от поборов и бесчинств попрятались в леса, их возглавил благородный рыцарь, вернувшийся из крестового похода, и все они ждут возвращения пленённого короля... Вальтерскоттовщина – не больше, не меньше. Романтизм! Но романтизм хорош для юноши-юнкера, в крайнем случае, для молодого поручика, а полковнику, за плечами которого две войны, командование крупными боевыми частями, романтизм этот души не отогревал. Чувствовал Тягаев, как от этих блужданий по лесам что-то притупляется внутри его. Его люди не были солдатами, и сам он уже словно перестал быть офицером. Всё размылось, изменилось неузнаваемо. Атаман... Вся прошлая жизнь оказалась отделена плотной пеленой, стала далёкой и почти небывалой. Реальность же походила на затянувшийся сон, тяжёлый, болезненный. Отряд «полковника Петрова» пополнялся людьми. Так рьяно взялись красные за деревню, что крестьяне взвыли и схватились за вилы. То там, то здесь вспыхивали бунты, избивали комиссаров, но бунты жестоко подавляли, топили в крови. Но сила росла, и на эту силу надеялся Пётр Сергеевич. Где-то объявился отряд конных крестьян, вооружённых одними лишь косами. С этими косами мчались они на красных и в бою добывали себе иное оружие. Приходили и к Тягаеву такие бойцы – с косами, с топорами, с вилами. И точно так же добывали оружие – в бою. Бои бывали краткие, искусные. Никогда ещё не случалось Петру Сергеевичу командовать партизанами, а оказалось: спал в нём до срока Денис Давыдов. Каждую операцию выстраивал и продумывал Тягаев так тонко и точно, что многие из них могли считаться образцами военного искусства. Да и войско мужицкое, хотя военного дела не нюхало, а умело исполняло все приказы своего командира. Особенно доставалось продотрядам. Их мужики ненавидели более всех, и борьба с ними стала главным делом

отряда. Так добывался провиант, одежда, оружие. После удачной операции партизаны спешно скрывались в лесах, где пережидали, когда поиски их улягутся, набирались сил и вновь продолжали борьбу. Частенько охотники из отряда ездили по деревням, узнавали последние новости, разведывали обстановку, добывали необходимые сведения. Это было опаснее боёв, разведчики подвергались особому риску. Попавшие в руки красных принимали мучительную смерть: их жгли, топили, разрывали на куски... Но ни один из них не предал своих, выдержав все муки до смертного конца.

Именно с целью разведать обстановку отправился накануне в деревню Трифон. Пётр Сергеевич был против этого: слишком дорожил полковник умным и расторопным старостой, к которому проникся искренней симпатией, а потому не желал рисковать им. Но Трифон отмахнулся:

– Семи смертям не бывать, твоё благородие, а одной не миновать. Сам знаешь, от смерти не уйдёшь. Да и кому ещё идти? Я эту деревеньку знаю. У меня в ней старинный знакомец имеется. Адамант-человек! Таких ты, твоё благородие, не видал на своём веку! Чудодей. Вера в нём великая, а от неё сила! Он в Восточную кампанию под началом Скобелева воевал, крест солдатский имеет. На таких людях мир стоит, так тебе скажу! Чужому человеку он не поверить может, а меня он знает. Так что, как хочешь, твоё благородие, а я пойду.

Возразить Тягаеву было нечего, и Трифон ушёл. Удастся ли свидеться ещё? Жив ли ещё умный староста? Правой рукой был Трифон у Петра Сергеевича. Знал он деревню, знал мужика, умел найти подход ко всякому – то есть обладал именно теми качествами, которых так не доставало полковнику. И как же быть без него? Ах, если бы успеть! Если бы был жив Трифон! Да ведь не станут «товарищи» ждать, кончат скоро, измучив сперва, наглумившись досыта...

Снова и снова прокручивал Тягаев в голове план. Авантюра, совершенная авантюра... Вместо карты – караули тринадцатилетнего мальчонки. Никаких сведений точных. Вилами по воде всё! А идти – надо. Не на смерть ли? Ну, как ловушка? А в общем, весь месяц этот, вся эта партизанщина – чистой воды авантюра. Что поделывать! Кончится ли когда-нибудь эта лесная жизнь? А если кончится – то не пулей ли в голову? Не штыком ли в грудь? Но это и нестрашно. К этому готов был Пётр Сергеевич. Жизнь свою видел он оконченной, а потому запретил думать себе о доме, о семье и о той, которая светлым видением прошла чрез его жизнь, мелькнула, озарив на мгновенье. Всё это осталось по ту сторону, всё это не имело значения здесь. И нет больше полковника Императорской армии Тягаева, а есть атаман Петров, «однорукий полковник», партизанский вождь... А по ночам, когда удавалось забыться сном, видел атаман залитую солнцем площадь в летний день, стройные колонны войск, Государя Императора, делающего смотр им. Боже, неужели это было?.. И сводила судорога горло от мысли, что больше уже не будет. Никогда...

Как только солнце стало клониться на запад, партизаны тронулись в путь. Шли не сквозь чащобу, а вдоль речушки по дороге: иначе не пройти бы ни лошадям, ни телеге. Дойдя до окраины леса рассредоточились, согласно плану, затаились, ожидая когда тьма сгустится, а деревня затихнет. Ночь выдалась безлунной, пасмурной, холодный не по-летнему ветер раскачивал вековые деревья, и они скрипели натужно, стонали, вздыхали протяжно. Пятеро партизан спрятались в телеге, Пётр Сергеевич укрыл их рогожей, а сам привалился сверху, притворяясь спящим. Лошадью правил Доська, которому полковник тщательно объяснил, что делать.

В условленный час тронулись вперёд. У самой околицы на дороге стоял караульный солдат.

– Стой! – приказал он, выплюнув папиросу. – Кто едет?

– Мы с Касимова, – отозвался Доська. – Домой возвращаемся.

– А это кто? – кивнул караульный на Тягаева.

– Тятка мой. Мы у дядьки на крестинах гуляли, а тятка приморился, так, вот, домой везу...

– Хорошо, знать, погулял, – хмыкнул солдат. – А в телеге что? Давай-ка, малой, буди своего тятку, и показывайте, что в телеге! А то знаю я вас, кулачье! Ничего, мы вас в чувство-то приведём! А найдём вашего однорукого полковника, так на этой сосне вздёрнем, – кивнул он на возвышавшуюся рядом сосну.

При этих словах Пётр Сергеевич мгновенно вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с солдатом. Тот хотел что-то сказать, но вдруг замер, заметив пустой рукав, лицо его исказилось страхом. Ни крикнуть, ни выстрелить он не успел, сражённый ударом ножа.

– Рано ты меня на сосну вешать собрался, друг дорогой, – пробормотал Тягаев и, перешагнув тело, сел рядом с Донькой. – Трогай к вашему комбеду. Но тихо.

Тихо и темно было в деревне, лишь несколько собак пробрехали вслед медленно едущей телеге. Дом, в котором располагался комбед, Пётр Сергеевич угадал сразу. Он один светился всеми окнами, и из него доносились громкие голоса. Полковник сказал Доньке остановиться и, соскочив на землю, пригнувшись, подошёл к дому, осторожно заглянул в окно. В просторной комнате, у стола толпились «товарищи», угощаясь самогоном и различной закуской. Было их двенадцать человек. В углу лежал избитый и связанный старик. Пётр Сергеевич мгновенно оценил положение. Дюжина в доме была лишь частью красного отряда, остальные, вероятно, разошлись спать по другим избам. Тем лучше. Когда начнётся стрельба, спросонья не сразу сообразят, что к чему. Зато сами мужики – сообразят. И свяжут лихоимцев самостоятельно. А уж когда грянет набат, так не поздоровится товарищам подразвёрстщикам... Но сначала нужно ликвидировать эту группу. В один момент выбить окна и дверь и открыть огонь со всех сторон, уложить их прежде, чем они, разогретые самогоном, успеют схватиться за оружие.

Тягаев сделал знак Доньке, тот стянул рогожу, и партизаны, расправляя затёкшие в неудобном положении члены, окружили своего атамана. Пётр Сергеевич быстро пояснил свой план. Сам он направился к двери, остальные заняли позицию у окон. Группа сработала, как часы. В тот миг, когда полковник вошёл в дом и открыл стрельбу, стёкла со звоном вылетели, и град пуль обрушился на красных. Минута, и все они лежали на полу. Никто из них не успел воспользоваться своим оружием.

– Молодцы, братцы! – одобрил полковник своих людей. В ту же секунду он заметил, что один из «товарищей» успел-таки выхватить свой наган и целится в него. Выстрел Тягаева опередил его, и он успокоился навечно, получив пулю в голову.

С севера слышалась стрельба. Это второй отряд выполнял свою задачу. В деревне загорелись огни, раздались крики.

– «Товарищей» бьют, ваше благородие, – заметил с видимым удовольствием один из партизан.

– Развяжите старика, – скомандовал полковник.

В дом вбежал Донька, бросился к старику:

– Дед! Живой!

– Спаси Христос вас, детушки, – бормотал старик, всхлипывая и утирая слёзы с окровавленного лица. – Уж мы думали, смертонька наша пришла. Донюшка, родимый, привёл-таки подмогу!

– Звери, – качали головой партизаны. – Пётр Сергеевич, они деду ногти на левой руке вырывали. Изверги!

На пороге появился бледный, как смерть, Панкрат.

– Что? – спросил его Тягаев, сразу поняв, что случилась беда. – Трифон? Убит? Ну, говори, чёрт тебя рази!

– Убили старосту, – голос Панкрата задрожал. – Пётр Сергеевич, они его и трёх мужиков...

– Ну! – вскрикнул полковник. – Не мямли, как баба! Что?!

– Привязали их к лопастьям мельницы, и мельницу запустили! – выдохнул Панкрат и заплакал.

Тягаев зажмурился, поднёс руку к горлу. Ему вдруг стало невыносимо душно, словно накинули на шею петлю и затянули.

– Веди меня туда, – хрипло бросил он Панкрату и тяжело вышел из дома.

Деревня преобразилось. Всё, что менее получаса назад спало мёртвым сном или затаилось в страхе, высыпало теперь на улицы. Бросились к складу, куда днём свезли продотрядовцы награбленное у крестьян зерно, спешно уносили спасённое добро, чтобы запрятать его на этот раз понадежнее. Добивали уцелевших красных. Зловеще блестели кровавым от горящих кругом огней то там, то здесь мелькающие топоры, вилы... Пётр Сергеевич не мог различить лиц бегущих по улицам людей, но мог поклясться, что в это мгновение они немногим отличаются по отображённому на них ожесточению от лиц большевиков. Горько-сладкий напиток мести пьянит, доводит до иступления, и люди уже не ведают удержу, громят, бьют и правых, и виноватых, словно чёрт вселяется в них и вертит душами, как игрушками. Тяжело похмелье после этого страшного напитка. Будет томиться душа, протрезвев. Душа, шалый конь на бескрайнем просторе, обротать бы тебя, чтобы не занеслась ты в буреломы, не искалечилась бы неисцелимо – да как? Этакая сила разве что святым дадена... Оставшихся в живых большевиков следовало бы арестовать, а после судить сельским сходом. Приговор был бы им тот же, но хоть избежали бы бессудной расправы. Ни в коей мере не шевелилось в Тягаеве жалости к врагу, но стихийные расправы представлялись ему вредными, так как разлагают вставший на борьбу народ. Народ привыкает к крови, привыкает к самоуправству, к жестокости, к вседозволенности. Всё обращается в стихию, а стихия, не обузданная в нужный момент, не направленная сильной рукой в нужное русло, приносит мало пользы. Крестьянские бунты и партизанщина наносят красным урон, но ведь этого мало! Все эти бунты, лесные отряды – рассеяны. Действия их стихийны, не носят организованного характера, а без организации серьёзного дела не потянуть. Перехлопают по одиночке... Такие раздумья не раз посещали полковника, тяготя его. Его раздражала бессистемность и стихийность. Ему нужна была армия, а не стихия, сознательная борьба, а не временные вспышки народной ярости, являющиеся лишь тогда, когда тяжёлая большевистская пята наступает на горло конкретной волости, деревне, человеку. Пока громят соседа, ограничится всё недовольным ворчанием...

Мимо пробежал, прихрамывая, насмерть перепуганный человек с редкой бородёнкой, смахивающей на козлиную. За ним гналось несколько баб, вооружённых какой попало домашней утварью. Они голосили наперебой, то и дело дотягиваясь огреть свою жертву по тощим бокам:

– Стой, Дранный! Говори, говори, окаянный, за сколь мужа моего своим разбойникам продал?!

– Куда моего Парфёна дели?! Говори, пока я тебе глаз твоих бесстыжих не выцарапала!

– Гаврилу моего, своего благодетеля, сгубил! Мало тебя драли!

Драного прижали к стене какого-то сарая. Он кричал что-то, но ничего нельзя было разобрать за голосами лютующих баб.

– Вишь, Пётр Сергеич, доносчика изловили. Таперича бить учнут. И поделом! – пробормотал Панкрат. – Таких прежде всех бить надо. Которые братьёв продают...

Тягаев не ответил. Его раздражал беспорядок и собственное бессилие его пресечь.

Мельница возвышалась на окраине деревни. На ветру быстро вращались её крылья-лопасти, разрезая ночной воздух. Тела уже сняли. Они лежали на земле, а вокруг толпились люди. Несколько баб истошно выли, раскачиваясь из стороны в сторону. Вокруг одной из них прыгал перепуганный мальчонка, дёргал её за подол, спрашивал:

– Мамка, а что с тяткой? Мамка, ты чего?

– Вот, Пётр Сергеич, видите вдовицу? Изверги у неё сперва отца за недоимки заарестовали и извели, а ныне мужа... – сказал Панкрат. – Люди говорят, страшные дела тут творились. Многих поубивали... И Трифона, вот, нашего... Эх... Какой человек сгинул!

Трифон лежал здесь, но чуть поодаль. Лицо его было обезображено. Оно раздулось, посинело, глаза налились кровью и вывалились из орбит, губы и борода были черны от запекшейся крови.

– Люди говорят, что его вначале пытали, добивались нас выдать, а он ни словечка не проронил. Все кости перебили ему, а затем сволокли на мельницу с тремя другими и распяли... – говорил Панкрат. – Экую мученическую смерть принял... Теперь он со Христом...

Тягаев опустил на колени, прекрестился. Глядя на изувеченное тело друга, он вспоминал не раз виденный образ – снятие с креста. Принял староста Трифон крестную муку, до конца вынес все страдания...

– Прощай, брат мой Трифон, – тихо прошептал Пётр Сергеевич. – Спас ты мою жизнь дважды, а я не сумел тебе отплатить тем же. Прости! Помяни душу мою там, где ты сейчас...

Загудел скорбно колокол сельской церкви. Мужики обнажили головы, закрестились. На востоке из мрака забагровел кровоточащий рубец близящейся зари. А чёрная мельница оголила тело вращала своими лопастями и казалась зловещей и страшной. Всю жизнь перемелет эта мельница, всю Россию перетрёт своими жерновами... Что теперь судьбы людские? Души людские? Зёрна, между этими жерновами угодившие. И смелет их без жалости страшная мельница русской смуты...

Тягаев почувствовал лёгкое головокружение. И сразу же сильнейшая боль ударила в голову, словно раскалённый прут пробил и пронзил насквозь её. Сделав над собой усилие, Пётр Сергеевич поднялся, спросил чуть слышно:

– Поп есть в деревне?

– Был, – отозвался Панкрат. – Вон лежит... – кивнул в сторону распластанного рядом тела, над которым горько плакало несколько баб.

– Нужно всех убитых похоронить с почестями...

– Само собой, Пётр Сергеич. Да уж тут люди всё как надо сделают.

– Ты проследи всё же...

– Слушаюсь. Какие ещё будут распоряжения?

Тягаев провёл ладонью по лбу:

– Собери наших. Когда уляжется всё, объяви, чтобы собрались все у церкви. Я говорить буду. Нам нужны припасы, оружие и люди. Силой брать ничего не будем, но надеюсь, что добровольцы сыщутся. Оружие, какое нами взято в бою у красных, сосчитать и распределить между партизанами. Если кто из большевиков уцелел, расправы прекратить. Будем судить их. Всё ясно?

– Понял, Пётр Сергеич.

– А сейчас проводи меня к деду этому. Как его?

– Дед Лукьян.

– Да. Мне поговорить с ним нужно.

Дорогу до дома деда Лукьяна Тягаев почти не разобрал. Слишком сильна была боль, от которой темнело в глазах. Пётр Сергеевич в которой раз проклинал свою контузию и молил Бога, чтобы болезнь не разошлась и не приковала его к постели, что могло бы грозить гибелью всему отряду.

Дом Лукьяна Фокича ещё носил на себе отпечаток недавней борьбы, бывшей в нём. Битое стекло, поломанная мебель – всё это разбросано было по полу. Сам же хозяин уже успел несколько поправиться. Лицо его было умыто, густые седые волосы расчёсаны и перехвачены тесьмой. На нём была чистая рубаха, а искалеченную руку кто-то заботливо перевязал. Старик восседал за столом, прихлёбывал чай с блюда. У ног его сидел, не сводя с деда глаз, Доська.

Войдя в горницу, Тягаев обессилено опустился на стоявший в углу стул, прикинув головой к выбеленной печной стенке. Он помнил, что хотел поговорить со стариком, но не мог произнести ни слова. Словно издалека, послышался голос деда Лукьяна:

– Это, стало быть, ватаги вашей главный?

– Да, дед. Полковник Петров, – отозвался Панкрат.

– Полковник? Самделишный?

– Самый что ни на есть!

– Стало быть, барин?

– Должно, барин.

– Никак хворый? – не укрылось от взгляда старика вытянувшееся и посеревшее от боли лицо Петра Сергеевича.

– Занемог маленько.

– Ай-ай-ай, – сочувственно покачал головой дед Лукьян и, поставив блюдо на стол, подошёл к Тягаеву. – Недужится, барин?.. – спросил ласково. – Это бывает, бывает. Голова болит? Хочешь, вылечим?

– Что? – вымолвил полковник.

– Говорю, хворость твою могём выгнать.

– Это как же?

– Заговор знаем.

Пётр Сергеевич с досадой махнул рукой. В заговоры и прочие деревенские суеверия он не верил.

– Не веришь? Ну, как знаешь... – пожал плечами старик, по-видимому, несколько обиженный.

– Ладно уж... – вздохнул Тягаев. – Заговаривай, колдун.

– Какой тебе колдун! – рассердился Лукьян Фокич. – Колдуна, барин, у нас в запрошлом году мужики на деревне дубьём пришибли. То колдун был! А мы – нет...

– Не сердись, дед, – сказал Пётр Сергеевич примирительно. – Не силён я по этой части...

– Не силён! Колдуны – вражины! Колдуны порчу на людей наводят да на скотину. А мы наоборот – выгоняем её.

– Я понял. Прости. Заговаривай уж...

– Так-то лучше, милой, – голос старика вновь стал тёплым и ласковым. – Погодь малость, мы сейчас.

Что делал Лукьян Фокич, Тягаев не видел, зажмурив глаза от света, усилившего боль. Через несколько минут старик протянул ему жестяную кружку:

– До доньшка пей.

Пётр Сергеевич выпил и закашлялся: в кружке была какая-то несусветная гадость.

– Дерёт, дерёт, верно, – говорил ласково целитель. – Это хорошо. Ты, милой, потерпи, – он коснулся крупной, тёплой ладонью лба полковника, пошептал что-то и отошёл на шаг. – Сейчас всё пройдёт, барин.

Прошло несколько минут, и Тягаев с удивлением почувствовал, что боль исчезла, словно её и не было. Он открыл глаза и недоумённо посмотрел на старика. Тот ласково улыбался и поглаживал окладистую белую бороду:

– Что, барин, болит?

– Не болит! – воскликнул полковник, вставая. – Дед, да ты же кудесник! Спасибо тебе!

– Бога благодари, барин, а нас – за что?

Пётр Сергеевич, наконец, смог рассмотреть чудесного целителя. Был он очень высок, выше самого полковника, крепок и прям. Лицо его было красиво и просветлённо. Казалось, будто сошёл Лукьян Фокич только что со страниц древнерусской былины или сказки. Глаза его смотрели ласково, с лёгкой долей родительской снисходительности: так любящая мать смотрит

на распалившееся чадо. На груди у старика висел большой восьмиконечный старообрядческий крест.

– Ты старовер? – спросил Тягаев.

– Да. Не гоже разве?

– Я просто спросил...

– Садись, барин, чайку попей. Вишь, что подеялось с людьми... Убивают, истязуют друг дружку, точно нехристи... Упустили огонь, а как потушить теперь? Донька, налей чайку нам.

Донька проворно бросился к самовару, налил чаю, поставил на стол.

– Пей, барин, – говорил старик. – Откушай чего. Мёду возьми, вот...

Пётр Сергеевич сделал несколько глотков и спросил:

– Скажи мне, кудесник, от чего же всё это сотворилось?

– Знамо отчего, милой. Бога забыли, а демоны тем и воспользовались. Большаки – они кто ж? Демоны самые настоящие. И бороться с ними крестом надо, – старик указал на свой крест. – Нельзя, барин, Бога забывать. А у нас как? В тревогу – и мы к Богу, а по тревоге – забыли о Боге.

– Как думаешь, дед, одолеют нас большевики? Россию – одолеют?

– Мы, барин, путей Господних не ведаем. Одно скажем, мужику эти большаки уже поперёк горла стали. Ты поспрошай в любой деревне: и всяк тебе одно скажет.

– Что же скажет?

– А то и скажет, что был у нас Царь, было начальство, и жили мы – Бога благодарили, – все имели, а если чего и не хватало, то надежду всякий питал: коли есть голова да руки, то и для себя и для детей заработаешь. Был порядок, был и закон и справедливость. Теперь у нас комиссары-большаки, начальства есть много, ну а остального ничегошеньки нет – ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живёт народ ныне, а только глядит, как бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли жив от комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при них никакой, прямо охота работать пропадает.

– Ну а при Керенском как было? Что скажешь?

Старик помолчал, затем чуть улыбнулся и ответил:

– А скажем мы тебе, барин, так: бывает лето с плодами Господними, бывает зима с морозами, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчёмная. Такая слякоть и Керенский был. Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга...

– Мудрец ты, дед, – заметил Тягаев. – Что ж дальше будет?

– А то и будет, барин, что свет до тьмы стоит, но и тьма до свету. Бороть антихриста будем, покуда живы. Не окажемся рабами ленивыми и лукавыми, так и поборем.

– Чтобы побороть, люди нужны, дед, – Пётр Сергеевич хотел было закурить, но передумал, вспомнив, что в домах староверов табак считается зельем сатанинским. – А где мне людей взять? У меня в отряде восемнадцать душ. И дольше месяца мы с ними, как проклятые, по лесам шарахаемся, не то удачу, не то смерть свою ищем. И куда дальше, скажи? Вот, в твоей деревне мужики всю ночь продотрядовцев били, а утром как? По домам разойдутся – ждать, когда отряд большой явится и всех их, как Трифона, на мельницу сведёт? Кабы встали все, как один, соединились бы, так, может, и побороли бы.

Возвратившийся Панкрат доложил, что все поручения полковника он выполнил, после чего присоединился к скромному застолью.

– Нечем нам вас, детки, потчевать, – покачал головой дед Лукьян. – Всё повыгребли нечестивцы.

– Ничего, отец, воротим, – сказал Панкрат, доставая краюху хлеба и проворно нарезая её охотничьим ножом.

– Добро ты сказал, барин, про то, чтобы все как один, – вернулся старик к прерванному разговору. – Дед наш, царствие ему небесное, прожил восемьдесят годочков и помнил ещё Бонапарта. Тогда хорошо было. Тогда все дружно взялись: и мужики, и баре...

– Тогда проще было, – возразил Панкрат. – Тогда иноземцы пришли, хвранцузы – все и поднялись. И таперича свои!

– Какие такие свои? – нахмурился Тягаев. – Троицкий тебе свой? Латыши и китайцы, которые по всему Поволжью страх на людей наводят тебе свои? «Свои»! Нашёл своих...

– А знаешь, барин, ты на нашего брата напраслины не возводи, – сказал вдруг старик. – После того, что эти поганые у нас творили, не разойдутся по домам. Возьмутся, вот наше слово. И мы первыми на святое дело станем! Ни с винтовкой, ни с вилами, а с крестом на них пойдём. Демоны креста убоятся.

– Куда тебе, старый, в бой-то идти! – рассмеялся Панкрат.

– Жить, сынок, значит, Господу Богу служить. И уж если такой час пришёл, то за дело его мы костями ляжем. Мы под началом Скобелева-генерала турок били. И здесь не оплошаем.

Нравился Петру Сергеевичу этот былинный старец-старовер. Казалось, говорила в нём та прадедовская Русь, обритая и всунутая в заморский кафтан преобразователем Петром. Убеждённо говорил дед Лукьян, и светилось лицо его. Почти сутки пробыл он в руках красных, и болело тело его от побоев, а такова сила и высота духа была, что не замечал он ран своих и готов был хоть теперь идти в бой против красных демонов, вооружившись одним только крестом.

Утром у церкви собралась вся деревня. Убитых накануне положили в гробы и выставили внутри неё для прощания и отпевания. И они, принявшие лютую смерть, теперь должны были живых поднять на брань, чтобы те отплатили за их муки. Мрачны были лица собравшихся, и читалась в них суровая решимость и ожесточение. Тишина царила такая, что всякий шорох был слышен. Даже заплаканные бабы умолкли – ни тихого всхлипа не вырывалось. Живых большевиков в селе не осталось. Все они были убиты ночью. Несколько пыталось бежать из деревни, но их перехватил оставленный в засаде отряд партизан. Судить было некого. Убитых красных закопали в общей могиле за околицей. Кое-кто из стариков качал головами:

– Землю-матушку вырождаками паскудить... По ветру развеять бы!

Поднявшись на церковное крыльцо, полковник Тягаев оглядел выжидающе смотрящую на него толпу. Он не любил таких моментов. Не любил говорить речи. Пётр Сергеевич знал доподлинно, что нет у него дара говорить красиво. А к тому – перед мужиками. Что он мог сказать им? Прежде выручал всегда Трифон. Вот, кто был мастер говорить перед крестьянами! Златоуст – не меньше! Так умел говорить покойный староста, что до всякого мужицкого сердца доходили его простые слова. Но не знал Тягаев тех простых слов, а потому не мог унять волнения. Начал Пётр Сергеевич с поминовения погибших, затем заговорил об антинародной сущности большевиков, но сам понял, что говорит – не так. Мудрёно, не тем языком, не про то. Сбился полковник, замялся. И тогда – выручил его Лукьян Фокич. Вышел старик на середину площади, махнул рукой перевязанной:

– Полно, барин! Чего говорить? Али мы дети малые, и сами не разумеем, что к чему, кто вражина нам, а кто брат? Не надо слов! Мы и без них всем миром на поганых встанем и будем бороться их, доколе силёнок достанет! А ты только веди нас, как ты есть образованный командир, и подвиги твои и твоих партизан мы все здесь ведаем! Так ли, мужики?

– Верно!

– Правильно!

– Пусть только сунутся к нам вдругорядь!

– Мы на своём веку видали многое, – продолжал старик. – На войне под началом Скобелева-генерала турка бивали. А ныне мы нехристям-большакам войну объявляем. Дело то, братцы, Божие! Святое дело! Грудью постоим за землю нашу, кормилицу! Освободим Волгу от лютого ворога! Не падём духом, и Господь не покинет нас! Против антихристовой войска

сражаться станем, и Пречистая Богородица укроет нас Покровом своим! Помолимся, братцы, чтобы милосердный Господь укрепил нас и даровал победу!

Так вдохновенно взывал дед Лукьян к сердцам своих односельчан, что многие были тронуты до слёз. Когда же он опустился на колени и стал горячо молиться, осеняясь двуперстным крестом, то и все пали на колени следом и присоединились к его молитве. Потрясённый этим торжественным и прекрасным зрелищем, Тягаев, так же ставший на колени, подумал, что войско его теперь уж точно возрастет, и решил не уходить со своими партизанами в леса, а разбить лагерь в этой деревне, местоположение которой было весьма выгодно в стратегическом плане. Кто знает, может, отсюда, из этой простой русской деревушки начнётся освобождение Волги, а следом и всей России?..

Глава 3. Распутье

26 мая 1918 года. Новониколаевск

Всего сорок минут потребовалось, чтобы свергнуть большевиков в Новониколаевске! Чехословаки и барнаульцы взяли город! С чехословаками договорённость была достигнута на недавнем совещании в Челябинске, на котором присутствовали от них Гайда и Кадлец, от самарского Комуча капитан Капель и полковник Галкин, а от сибирских боевых дружин Гришин-Алмазов, выработали и утвердили план будущего выступления, и в конце мая началось оно.словно принцип домино пришёл в действие – город за городом освобождалась Сибирь от красных. Но освободить мало, нужно – удержать. А для этого необходимы силы, а силы, если не считать чехов, ничтожны – во всех сибирских военных организациях едва наберётся семь тысяч человек! И с этой малости начиная, предстоит создавать армию, которая сможет освободить Россию и продолжить войну с немцами, которым их агенты-большевики щедро подарили огромные пространства русской земли. Велика была задача, но подполковник Гришин трудностей не боялся, они лишь пробуждали в нём азарт. В своих силах и способностях уверен был Алексей Николаевич. И последние события лишь укрепили эту уверенность.

Сибирь знал подполковник Гришин прекрасно. Родился и вырос он в Тамбове. Затем учился в Воронежском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, принял боевое крещение в Маньчжурии, после чего прибыл в Сибирь, где шесть лет возглавлял команду разведчиков и учебную команду. Годы эти молодой офицер потратил на доскональное изучение необъятных сибирских просторов, много путешествовал по Амуру, Уссурийскому краю и другими областям. Можно ли было думать, что здесь совсем скоро придётся вести бои с германским авангардом, состоящим из предателей и наёмников! На Великой войне Алексей Николаевич в составе 5-го Сибирского корпуса участвовал во многих наступательных и оборонительных операциях, был награждён многими орденами и медалями. Последней «наградой» боевому офицеру стал арест и увольнение из армии за открытое выступление против октябрьского переворота. Что ж, не приходится пенять на судьбу: можно считать, легко отделался, со многими поступили проще – просто подняли на штыки...

Ища возможности бороться с ненавистной властью, подполковник Гришин устремился на Дон. К Корнилову. Лавр Георгиевич в ту пору сам едва успел прибыть в Новочеркасск и вынашивал идею перенесения основного фронта борьбы с большевиками в Сибирь, в которую верил непреложно. Увлечённый этим замыслом, генерал принял приехавшего офицера-сибиряка. Лавр Георгиевич хотел знать реальное положение дел в Сибири, был убеждён в необходимости налаживания там работы. Алексей Николаевич слёту подхватил идею, немедленно изложил генералу свои соображения на этот счёт. А соображения были! Так уж устроен был Гришин: стоило поставить перед ним вопрос, конкретную задачу, как с полуоборота являлись в уме варианты решения её. Быстро и легко находилось нужное, и закипала работа в умелых руках. И Корнилову мгновенно представил он целый перечень мер, которые можно предпринять. Генерал предложения одобрил и командировал Алексея Николаевича в Сибирь для их воплощения.

Пересечь большевистскую Россию было делом нелёгким. Приходилось соблюдать строжайшую конспирацию. Раздобыв документы на имя артиста Алмазова, именно в этой роли и прибыл Гришин в Сибирь. Некоторое время он присматривался и прислушивался к настроению общества. Настроение это было противоречивым. В Сибири большевики ещё не успели явственно показать своё истинное лицо, осторожничали, а потому и народ не готов был восставать на них. Офицеры были настроены жёстче. В разных городах существовали небольшие

организации, никак не связанные друг с другом. Сразу понял Алексей Николаевич: это дело так оставлять нельзя, связь нужно налаживать. Но каким же образом? Не привлекая внимания большевиков? Собственные ноги обивать – никак иначе. Но офицеров для работы недостаточно. Нужны промышленники, кооператоры (они лучше других поняли опасность для себя большевистской власти), нужны политики... Политики в Сибири были. Члены партии социалистов-революционеров. В отличие от всех прочих они были активны и готовы к действию. Эсеровские идеи чужды были Гришину. С детства впитал Алексей Николаевич патриархальные устои, согласно которым жили родители, люди набожные, скромные, небогатые. В семье Гришиных всегда чтили Царя, Божия помазанника, матушка Алексея Николаевича не пропускала ни одной службы, старательно приучая к тому и сына. Много перенял Гришин от отца с матерью, перенял набожность их, которую не порушили ни годы учёбы, ни война. Даже в самые трудные времена он не забывал говеть, не давал себе ни малейших поблажек в следовании православным канонам. Под стать была и жена. Мария Александровна, женщина умная, решительная, обладала волевым и твёрдым характером. Пламенная патриотка, она живо интересовалась политикой, превосходя в этом занятого службой мужа, и, несмотря ни на что, придерживалась твёрдых монархических убеждений. Разделял их, хотя и не столь горячо и эмоционально, и Алексей Николаевич, но, оценив сложившуюся в Сибири ситуацию, понял, что провозгласить теперь монархическую идею – значит, прикончить всё движение на корню. Пришлось монархисту Гришину играть роль эсера Алмазова. А что делать? Теории, ориентации, партии – всё это, быть может, и важно, но Россия неизмеримо важнее. А значит нужно искать среднюю линию, компромисс, оставить до лучших времён всевозможные частности. Если никого кроме эсеров нет, значит, надо работать с эсерами.

Ближайшим соратником в начатой работе стал член Учредительного Собрания Павел Михайлов. Бледный человек с горящими чёрными глазами, он отличался выдающейся работоспособностью. Не зная отдыха, Михайлов работал сутками напролёт. Вместе они исколесили все сибирские города, внося систему и единство в раздробленные офицерские организации. Сколько гибкости и осторожности требовалось, чтобы найти подход ко всем! Чтобы заставить бежать в одной упряжке политических противников! Офицеры волновались, что после переворота у власти станут эсеры, эсеры опасались диктата со стороны военных. И между этими полюсами должен был лавировать Алексей Николаевич, вызывая в одном лагере подозрения, как «эсер», а в другом, как потенциальный кандидат в «наполеоны».

И всё же работа шла. Немало усилий стоило объединение самых крупных офицерских организаций: томской, иркутской, омской. Омская организация насчитывала до трёх тысяч человек, тогда как новониколаевская, возглавляемая Гришиным, всего шестьсот. Само собой, руководитель первой, Иванов-Ринов имел все основание претендовать на лидерство и не питал желания подчиняться «Алмазову». Полковник Иванов, взявший себе конспиративный псевдоним «Ринов», долгое время служил в Туркестанской военной администрации на должности начальника уезда, равнозначной полицейской должности исправника, затем был помощником военного губернатора. Придерживаясь правых взглядов, он не желал подчиняться эсерам, но после продолжительных переговоров Алексей Николаевич сумел и его склонить к совместным действиям, забыв во имя общего дела о партийных разногласиях.

Объединение антибольшевистских сил Сибири произошло не на почве поддержки партии, которая оказалась в тот момент во главе организации, но на поддержке самой идеи власти, хотя бы данное содержание её и представлялось неприемлемым.

Свои цели Гришин всегда видел максимально ясно. Он никогда не брался за дело, не сформулировав точно, для чего берётся за него, и каким должен быть итог. Так и теперь чётко представлял Алексей Николаевич и долгосрочную цель, к которой стремился, и ближайшие задачи. Наипервейшая задача – создание боеспособной армии. Армия должна создаваться по типу, диктуемому во все времена, во всех странах, непреложными выводами военной науки, на

основах строгой воинской дисциплины, без каких бы то ни было комитетов, съездов, митингований, без ограничений прав начальников, без подчинения «постольку-поскольку»... Во главе угла должна быть поставлена строгая дисциплина, потому что без того армии не будет. В качестве уступки новому времени – отказаться от погон и наград. Погоны восстановят старую иерархию, а она неуместна в сложившихся условиях, когда выдвигать командиров нужно не по чинам, а по талантам и заслугам. К тому же погоны слишком раздражают солдат, а это ни к чему – был бы серьёзный повод, чтобы провоцировать лишнее недовольство! Награды же пристало давать за подвиги на войне с внешним врагом, которая ещё не окончена, но не на усобице. Погоня за чинами и наградами развращает, а армия должна быть проникнута одной лишь идейностью борьбы.

Что же касается цели главной, то она одна: освободить всю Россию, создать всероссийское правительство. Всего лучше – с единоличным диктатором во главе. Пока о единовластии говорить рано, тактически несвоевременно, но именно эту цель ставил пред собой в перспективе подполковник Гришин, к ней стремился.

Свержение большевистской власти в Новониколаевске и других городах Сибири было первым шагом на пути к заветной цели. Эту первую победу ощущал Алексей Николаевич, как свой Тулон, но упоение триумфом не заставляло его забыть о деле. Уже через полчаса по окончании боя он благодарил участвовавших в нём доблестных барнаульцев. По объявлении благодарности, Гришин сообщил о начале мобилизации и наступления на другие районы, где большевики ещё держатся. Барнаульцы расходились в приподнятом настроении. Не менее приподнятым было оно и у Алексея Николаевича. Подумалось, как, должно быть, ликует теперь Маша, и стало немного жаль, что в эту минуту не разделить с ней радости первой победы. Для радости не было времени. Радоваться будем, когда Москву освободим. А теперь ждала работа: формирование правительства, армии, налаживание управления. И всё это неотложно, нужно действовать быстро, не давая противнику перевести дух, оправиться. И отдыха не нужно было Гришину, энергичная натура его требовала действия, и успехи лишь прибавляли сил и бодрости.

Веселы были барнаульцы, лёгкость первой победы окрыляла, давала надежду, что и впредь столь же быстро враг будет сдавать позиции, и скоро закончится эта дрянная усобица, и вернётся привычная жизнь. Только поручик Юшин казался чем-то озабоченным, отвечал невпопад и явно таил какую-то тяжёлую думу.

- Что приуныли? Или жаль молодую жену оставлять? – сострил кто-то.
- Да иди ты! – буркнул Алексей.

Настроение его, в самом деле, было далеко от победного, хотя в кратком бою он успел отличиться, и только что был особо отмечен Гришиным-Алмазовым. Сумрачно было на душе Юшина. Он воевал, но так и не мог вывести для себя – за что и во имя чего он воюет. То была не его война, и одолевали поручика сомнения, верно ли поступил он, встав под бело-зелёное знамя. Хотя был ли выход? Завтра объявят мобилизацию, и он всё равно был бы призван. Одно знал Алексей точно: против кого ему придётся воевать. И от этого знания становилось особенно тошно.

Три года не был Юшин дома. Пройдя войну, пережив позор отступления, чудом избегнув гибели от рук большевиков в Киеве, он желал одного: в ближайшем будущем не касаться более оружия, отдохнуть, заняться мирным делом, от которого так давно отстал, жить в родной деревне, пахать землю – просто жить. Рядом с ним был теперь преданный друг, дорогой, любимый человек, нежность к которому согревала сердце – невеста Надинька. Вместе они проделали долгий путь – через всю Россию – от Киева до Алтая. Надеялись, что в Сибири будет спокойно, что здесь большевиков нет. Но ошиблись: большевики установили свою власть и в Сибири. Правда, власть эта была непрочной, а потому не приобрела ещё тех разнузданных форм, которые видел Алёша на юге.

Деревня, где уже десять лет жили Юшины, располагалась между Барнаулом и Новониколаевском, была крупной и зажиточной. Правда, немал был в ней и процент бедноты. На плодородные земли Алтая стремились многие переселенцы, инстинктивно чувствуя богатство здешних недр. Переселенцы, приехавшие сюда десять-пятнадцать лет назад, успели получить хорошие наделы, обрасти хозяйством. Теперь они именовались «старожилами». Новосёлам же повезло куда меньше. Земли в этом районе им уже не доставало, устроиться порядком в короткий срок они не успели, а, между тем, перед глазами был пример зажиточных соседей. Отсюда являлось разделение, зависть. Прежде Алексей никогда не задумывался об этом, но революция обнажила вовремя незамеченный разрыв, и в первые дни Юшину суждено было уяснить, что многое изменилось за время его отсутствия.

Поначалу показалось Алёше, что всё осталось по-прежнему на его малой родине, несмотря на установление в деревне советской власти: то же течение жизни, те же люди... А родной дом ещё больше и наряднее стал! Пристройку срубили к нему, крышу железом покрыли! Не каменный, конечно, но, право слово, не хуже каменного! В каменных домах самые богатые крестьяне живут, фермеры навроде Антохиного тестя, а Юшины – середняки, для них просторный сруб – лучше не надо. Вдыхал Алёша знакомый воздух, вглядывался до боли в глазах в каждый дом, в деревце каждое. Вот, яблонька какого-то сорта редкого (Антохин тесть отцу привёз), Алёша сам сажал её – какая красавица выросла! Скоро расцветёт, заблагоухает! Забрехал, не узнав хозяина, Бушуй, рванулся из конуры, а как узнал, так завизжал ласково, ластиться стал. Бушуй, старый дружище – как здорово, что жив ещё! А на лай его сестра на крыльцо выскочила: дородная стала бабёнка, не узнать девчужки худенькой, которую дёргали с братом за косицы. На руках у неё младенец хнычет, бабёныш сопливый за подол держится, смотрит опасливо, большеглазый, а позади девочка лет десяти стоит, строгая... Неужто племянница? Неужто Глашка? Вот, посмотришь на чужих детей, и поймёшь, как время летит. Ну, ничего! Скоро и свои забегают! Надя рядом стояла, волновалась заметно, как примет её Алёшина родня.

Сестра вскрикнула, кинулась в дом:

– Мамаша! Тятя! Алёшка вернулся!

И вот, бежала уже с крыльца – мать. Платок в горнице забыла, вьётся за спиной коса. Коса с девичьих лет была гордостью Марфы Игнатьевны. Почти до колен доходила она ей, и хоть хлопот много было с ней, а берегла мать свою красу. Теперь уже не смоляная коса, какой была прежде, седина пробивается... Обнялись, подхватил Алёша на могучие руки поочередно – мать, сестру, племянницу, взвизгнувшую испуганно. Затем представил невесту...

Сестрин муж, отец Диомид вместе со старшим сыном уехали накануне по делам в соседнее село и должны были вернуться лишь через два дня. Отец выйти навстречу не мог: отказали ноги Евграфию Матвеевичу, почти не вставал он с постели, хотя видом ещё бодр был и говорил громко, горячо. Не успели облобызаться, как отец спросил с подозрением:

– Ну, что же ты, Алёшка? Большевик или как?

Алексей опешил:

– С чего ты взял?

– Так дружки твои – все за них горло дерут, сколтыши... – тон отца стал желчным. – Пашка, Филиппов сын, всю жизнь у Григория Фомича батрачил, пил, как сапожник, да Дуньку свою лупцевал... Тоже стервь хорошая! Ей бы подол на голову и пустить... А теперь этот Пашка самый главный начальник в ихнем Совете! Каково?! Да ему же сарая доверить нельзя – всё разнесут! Тьфу!

– Уймись, старый, – покачала головой мать. – Ребёнок только порог переступил, а ты уже его поедом ешь!

– Никто его не ест. Но пусть ответит! А ты не суйся! Пойди на стол сberi, пока мы тут потолкуем.

– Успокойся, тятя, я не большевик, – улыбнулся Алексей.

– И на том спасибо, – ответил Евграфий Матвеевич. – Ты усвой, Алёшка, нам с этих самых совдепов пользы не будет, а одна беда. Власть должна тем принадлежать, кто успел доказать, что умеет рачительно хозяйствовать, строить. А эти что доказали? Гольтьба! Доказали, что умеют мотать, разорять и разрушать! Теперь рты на чужой каравай раззявили! И то сказать – в чужой-то руке ломоть всегда больше и слаще кажется! А сколько поту да крови затрачено, чтобы ломоть этот велик был, они не думают. Зачем?! Зачем пот и кровь тратить, надрываться зачем, когда проще отнять этот ломоть у того, кто его горбом своим заработал!

– Что ты кипятишься, тятя? Кажется, у тебя пока никто ничего не отнимает!

– Именно что пока, – отец сел на постели, свесил высохшие ноги, накиннул на плечи тулуп. – Но когда начнут отымать, поздно будет! С фронта вон солдатухи прибёгли торпко, за власть советскую агитируют! Им терять нечего! А нам есть что терять. Ты слушай, что старики наши говорят. Они дело говорят. Разорят всё эти самые большевики, а ничего не построят взамен. Потому что рождённый ломать, строить не может! Усвой!

– По-моему, ты слишком горячишься, тятя. Мне, например, всё равно, чья власть будет, лишь бы устроено всё было по справедливости.

– Балда! – с досадой воскликнул Евграфий Матвеевич. – У нас с ними справедливость разная! Для них справедливость – это отобрать то, что мы нажили да промотать вчистую. А для нас – сохранить и умножить! И мы не сойдёмся!

– Справедливость, тятя, едина для всех. Одна правда.

– И какая ж это?

– Та, которой Христос учил.

– Христова истина – это одно, а человеческая правда другое. Правда у всех своя.

– Так если правда на правду ударит, то что ж выйдет? Кривда одна.

– Не умничай, – поморщился отец. – Говоришь, истина Христова? Так ведь они, большевики твои, и её не признают. У них своя истина! Этого, как его чёрта лысого...

– Ленина. И Маркса.

– Вот-вот.

– Успокойся, тятя. Я ведь сказал, что большевикам не сочувствую.

– Добро, коли так.

– Всё, кончайте помелом мести! Обед простынет! – раздался зычный голос матери.

– Пособи-ка мне, Алёшка, до стола добраться, – сказал Евграфий Матвеевич.

Алексей легко поднял отца и отнёс к столу. Надя робко сидела в углу, немного боязливо поглядывая на Марфу Игнатьевну и Анфису. Юшин ласково подмигнул ей, она чуть улыбнулась в ответ. За обедом Евграфий Матвеевич вернулся к прерванному разговору.

– Тебе, Алёшка, надо будет к Антошке в Новониколаевск съездить, – заявил он, хлебая щи.

– Совсем ты, старый, ополоумел, – покачала головой мать. – Не успел ребёнок вернуться, а ты уже его гонишь!

– Я не гоню, а посылаю брата навестить.

– Само собой, я проведаю Антона, – ответил Алексей. – Но не сейчас же! Вот, вернётся Демид, обвенчает нас с Надей, а там видно будет.

– Это конечно, – не стал спорить отец. – Обвенчаться непременно надо. А то грех. А с братом тебе будет, о чём потолковать. Антошка, покуда тебя не было, шибко в гору пошёл. Акинфий Степанович хозяйство своё расширил. А Антошка управляющим. В Новониколаевске у них группа там. Промышленная... – Евграфий Матвеевич понизил голос. – Организация у них там. Чтобы этих свалить.

– Вон оно что, – усмехнулся Алёша. – Ну, Акинфию-то Степановичу, знамо дело, бороться надо. Он же вон сколько загрёб под себя!

– А ты никак осуждаешь? – прищурился отец.

– Я никому не судья. Просто считаю, что большим куском подавиться можно.

– Ишь ты! А ты подумал, скольким людям Акинфиево хозяйство работу, корм даёт?!

– Его же батраки на него и попрут, тятя.

– Конечно! Народ-то этот известного сорта! Благодарности не жди! Ладно, я не спорю, есть среди Акинфиева брата глоты настоящие, которые у работников своих жилы мотают. Попадаются такие. Но так ведь в каждой семье не без уroda! Так что ж, по уродам о семьях да о классах судить учнём?! Не дал Бог свинье рога, а мужику барства, и правильно! То, что легко достаётся, добра не приносит. А Акинфий с нуля поднялся, из батраков! Потому что ум ему даден! Характер! Хватка! И ни одной души он не загубил! А многим и помог! А теперь в глоты его запишем?! В живодёры?!

– Я лишь хотел сказать, что нельзя всю жизнь подчинять делу, хозяйству, добыванию и умножению земных благ!

– Ишь ты нестяжатель какой выискался! Поучи-ка нас дураков, чему жизнь подчинять надо?

– Жизнь, тятя, больше хозяйства!

– Да? – отец усмехнулся. – И в чём же состоит твоя жизнь? Ты ведь блажной у нас, Алёшка! Не тебе жизни-то людей учить! Сам ни Богу свечка, ни чёрту кочерга! Ни хлебороба не вышло из тебя, ни попа...

– Уймись ты, старый! Чего напустился? – нахмурилась мать. – Поп у нас в доме есть, хлеборобы тоже, а господ офицеров ещё не было. А теперь есть! Вот он, голубчик мой! Георгиевский кавалер! – глаза Марфы Игнатъевны засияли, и она ласково поцеловала сына. – А ты ещё ругаешься на него!

– Ладно... – немного утих Евграфий Матвеевич. – Твоя правда, мать, погорячился я... Офицер вроде бы вышел. Удивительно даже... А что господин офицер намерен теперь делать? Куда старания приложить?

– Я, тятя, месяц в поездах провёл. И Надя тоже. В Киеве мы от большевиков чудом спаслись. А теперь ты хочешь, чтоб я немедленно мчался к Антону и ввязался в какую-то авантюру? Нет уж, уволь.

– Так и быть, отдохай, – милостиво разрешил отец. – Баньку стопи, погляди на житьё наше, матушкиных пирогов пожуй да с женой помилуйся... Может, и обойдётся как-нибудь... Эх... А всё же жаль, что хлебороба не вышло из тебя. Но ничего. Зато внука мне Анфиска доброго родила. Посмотришь, вот, на Матвейку, когда он вернётся. Пятнадцати годков нет, а уже мужик, каких поискать! Ты с ним на кулачках попробуй: спорю, что он тебя на лопатки положит!

– Ну, это мы поглядим, – весело откликнулся Алексей, чувствуя, что отец подобрел и размяк.

– Ты рассказывай лучше, сынок, про себя, – сказала Марфа Игнатъевна. – А то ведь этот старый ворчун и поговорить нам не дал.

И Алёша стал рассказывать домашним все приключения, которые выпали на его долю за последние месяцы. Иногда Надя, немного оживившаяся, дополняла рассказ. Мать и сестра охали, Марфа Игнатъевна даже всплакнула несколько раз, отец качал головой, бормотал что-то неразборчивое, ругал большевиков. К концу обеда отчуждённость, которая возникла было вначале, исчезла. Алёша почувствовал, что он – дома, среди самых родных людей. Когда же вошёл он в свою комнату, то и совсем потеплело, повеселело на сердце: ничего-то не поменялось за три года! Подошёл Алёша к полке, на которой стояли немногочисленные его книги, снял с неё пухлый греческий словарь, погладил любовно, показал Наде:

– Столько раз мечтал, как приеду сюда и засяду за него! Очень мне хотелось греческим в совершенстве овладеть, чтобы Писание и Святых отцов в подлиннике постигать. В семина-

рии у меня по греческому всегда отличные отметки были... А сейчас, чувствую, позабыл его порядком в окопах-то, – Алексей улыбнулся. – Может, теперь наверстаю, как думаешь? – и, помолчав, добавил. – Хотя вряд ли. Время не то, и настроение тоже.

А Наденька думала о чём-то своём. Алёша заметил это, приобнял будущую жену за талию, спросил негромко:

– Что ты, хорошая моя? О чём задумалась?

– Как ты думаешь, понравилась я твоим родным или нет?.. – спросила Надя. – Твоя сестра так пристально разглядывала меня, что я всё время краснела... Наверное, я им странной кажусь, чужой. Барышней...

– Ничего, они привыкнут и полюбят тебя, – заверил Алексей. – Отец, конечно, суров, а под старость сварлив сделался, но ты не думай: он человек хороший.

– Я ничего такого и не думаю, – посветлела лицом Надя. – Я их всех ещё заранее полюбила. Они же твоя семья. И ты непременно полюбишь моих родителей, когда их узнаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.